

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

**ПЕТЕРБУРГСКОЕ
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ**

**St.Petersburg Journal
of Oriental Studies**

**выпуск 5
volume 5**

Центр
"Петербургское Востоковедение"

Санкт-Петербург
1994

Историческая проза Мори Огай

Г. Д. Иванова
(Институт востоковедения РАН)
(Санкт-Петербург)

Мори Огай (1862 — 1922) жил в годы формирования т. н. новой Японии, когда страна отходила от длительной самоизоляции и включалась в мировую культуру. Буржуазная революция Мэйдзи (1868) застала его шестилетним ребенком, таким образом все его творческие годы оказались связанными с проблемами и переживаниями первого поколения эпохи Мэйдзи (1868—1912). Тогдашние японцы, воспитанные еще в правилах неукоснительного подчинения младших — старшим, а "низших — высшим", впервые начали примеривать к себе возможности "личной свободы" по западному образцу.

Внешняя биография Мори Огай выглядела вполне благополучно. Из тихой провинции Ивами (нынешняя префектура Симанэ) он подростком приехал в Токио, и сумел успешно самоутвердиться в охваченной вихрем модернизации столице. В составе первого выпуска окончил Медицинский факультет Имперского университета, попал в число немногих тогда молодых людей, которым довелось продолжить образование в Европе (1884—1888). По возвращении из Германии энергично работал на врачебном поприще, призывался на две войны — с Китаем (1894—95) и с Россией (1904—5 гг.). Дослужившись до генеральского звания, он десять лет (1907—1916) занимал высокий пост начальника санитарной службы японской армии. В специальных журналах печатались его исследования по вопросам солдатского рациона, гигиене жилых построек, контроля за водоснабжением (что было особенно актуальным в связи с эпидемией холеры).

Серьезные обязанности военного врача сочетались с писательской деятельностью, которая практически постоянно оставалась для него как бы непрофессиональным, любительским занятием. Но именно она стала главным делом его жизни.

Литературное наследие, отразившее внутренний мир Огай, высвечивает одаренную, многогранную личность. Видимый жизненный успех, близость к высшим эшелонам власти не снимали ни сомнений, ни загнанных внутрь душевных страданий. От государства, которому Огай служил, его отделяла незримая духовная дистанция: принятые "правила игры" нередко вынуждали "надевать маску", идти на тяжкие компромиссы. Литература требовала самоотдачи, а воинское начальство не прощало отвлечений, независимости ума. Дело дошло до понижения в должности и ссылки в провинциальный гарнизон на остров Кюсю (1902—1904 гг.). Не вполне принимали его в свой круг и коллеги по писательскому цеху, в котором он чувствовал себя "аутсайдером".

Конфуцианские правила строгой иерархии в семье и государстве, с одной стороны, и почерпнутая на Западе жажда личной независимости, с другой, не поддавались простому согласованию. Отдавая должное привитым с детства принципам национальной морали — сыновней почтительности и лояльности, он вместе с тем воспринимал зависимость от "вышестоящих" как

конфуз. Патриархальные заветы он считал применимыми "лишь в той мере, в какой мы готовы признать их ныне".

Совокупность всех этих обстоятельств обрекала писателя на положение "постороннего": одиночество, порожденное разрывом с окружающими, да и самим собой, выливалось в настоящую душевную драму.

Незаживающей раной осталось воспоминание о первой любви. Привязанность к немецкой девушке Элизе, по всей видимости, была глубокой, но помыслы о браке с иностранкой, да еще с бедной актрисой, не встретили сочувствия ни в служебном, ни в родственном окружении Огая. Память об утраченной возлюбленной шемящей нотой пронизывает несколько его произведений.

Творческим дебютом явилась повесть "Танцовщица" (Маихимэ, 1890). Написанная по автобиографическим мотивам, она, тем не менее не исчерпывалась изображением личных переживаний. Огай показал проблемы, с которыми сталкивались молодые японцы прошлого века, впервые попавшие в Европу, и в этом смысле повесть наполнялась обозначимым содержанием. Герой "Танцовщицы" Ога Тоётаро учился в Берлине. Он полюбил голубоглазую девушку из варьете и встал перед выбором между чувством и "долгом". Юноша честно пытался принять смелое, самостоятельное решение, но друзья предостерегали: государство, пославшее его за границу, не простит ему "истории с девчонкой", его будущее окажется безнадежно испорченным. После мучительных колебаний привычка "слушаться старших" одержала верх. Тоётаро оставил женщину, ожидавшую ребенка. Безутешная Элиза потеряла рассудок, сам же он до конца дней терзался муками совести.

Японский художник Косэ стажировался в Мюнхене: его роман с натурщицей Мари составил содержание второго юношеского рассказа Огая "Пузыри на воде" ("Утаката-но ки", 1890). И в этом случае любовь к немке натолкнулась на непреодолимые препятствия, девушка погибла в волнах озера.

Ранняя проза Огая запечатлела, по-видимому, типические коллизии, возникавшие при контактах мэйдзийских японцев с Западом. Его герои мучаются своей беспомощностью, зависимостью от чужого мнения. Их драмы отражают мучительный процесс *докурицу дзисон* — становления самостоятельной, уважающей себя современной личности, ответственной за свои поступки.

Первые романтические рассказы навеяны германскими впечатлениями, поэтому их тексты насыщены немецкими именами, названиями, в стиле чувствовалось влияние немецких сентименталистов. Не случайно молодого Огая называли японским Лессингом.

Начитанность в европейской литературе перерастала в естественное желание познакомиться с ней своих соотечественников. Благодаря переводам Огая в обиход японцев вошли десятки германских авторов. Им представлены три драмы Лессинга ("Натан мудрый", "Эмилия Галотти", "Филотас"), новелла Клейста "Землетрясение в Чили", сочинения Гауптмана, Зудермана, Ведекинда, Лилиенкрона, Гофмансталя, Рильке. Неоценимым вкладом явился гётевский "Фауст", вышедший на японском языке в 1913 г. Знание немецкого языка позволило ему через переводы-посредники проникнуть в мир скандинавских писателей. Из Г. Ибсена, который особенно привлекал тогда в Японии любителей "индивидуализма", он перевел драмы "Йун Габриэль Боркман", "Гедда Габлер", "Привидения", написал предисловие к токийскому изданию "Строителя Сольнеса". Не прошли мимо его внимания и русские авторы. "Отец Сергей" и "Люцерн" Толстого, "Тамань" и "Фаталист" Лермонтова,

"Крокодил, необыкновенное событие, или пассаж в Пассаже" Достоевского, рассказы Л. Андреева, "Записки о сахалинской ссылке" Короленко — таков далеко не полный перечень представленной им русской классики.

Творчество Огая начиналось в ту пору, когда японская художественная словесность оказалась на распутье. Ее прежняя чисто развлекательная роль перестала отвечать запросам читателей "капиталистической эры", поиски новых функций сопровождалась бурными дискуссиями. Осмысливая назначение литературы в новое время, одни теоретики утверждали ее автономность, самостоятельную эстетическую ценность, другие же были убеждены в ее просветительской миссии (не случайно в 1880—90-е гг. расцвел жанр *сэйдзи сесэцу* — т. н. политических романов).

В начале 1890-х гг. на страницах журналов "Сигарами соси" ("Запруда") и "Васэда Бунгаку" ("Литература университета Васэда") разгорелся диспут между Огай и Цубоути Сёё (1859—1935) — ведущим в те годы специалистом по западной литературе. Цубоути Сёё полагал, что все фантазии должны быть оставлены прошлому, современный же писатель не может уделять внимания тому, "чего не существует в здепнем мире". Сёё призывал давать точное изображение действительности (*сядзицусюги*), следовать фактической основе (*кидзицу*). Огаю описание фактов не представлялось высшей задачей искусства, его влекла "красота", "высокая правда чувств", вымысел он считал неотъемлемым правом художника во все времена. Взгляды оппонента иронически названы им "англосаксонским здравым смыслом" (Цубоути Сёё переводил Шекспира, Бульвер-Литтона и др.), сам же он больше ориентировался на немецкий романтизм, на эстетическую теорию философа-идеалиста К. Э. Гартмана.

Продолжительный диалог между Огай и Сёё получил у дальнейших исследователей наименование "спора о скрытом идеале" (*боцурико ронсо*), этим термином оперировали оба участника дискуссии, хотя каждый понимал ее по-своему. По существу же спор означал начавшееся размежевание между реалистическим и романтическим направлением, в изяшной словесности прежних лет эти начала как бы переплетались между собою. В 1900-е гг. установки Цубоути Сёё были подхвачены представителями школы *сидзэнсюги* (ранний Нагаи Кафу, Таяма Катай, Масамунэ Хакутё и др.), в творчестве которых реализм сочетался с натурализмом. Писатели *сидзэнсюги* ориентировались также на идеи "Экспериментального романа" (1880) Э. Золя, свято уверовав, что художник, подобно ученому, должен опираться прежде всего на факты, использовать методы естественнонаучного анализа. Школа *сидзэнсюги* имела бесспорные достижения, особенно в показе связи человека с его социальной средой. Как и сам Золя, могучий талант которого опрокидывал холодную рассудочность его же собственных теорий, писатели *сидзэнсюги* представили яркие произведения в защиту "униженных и оскорбленных" (рассказы Куникида Doppo, романы Симадзаки Тосон). Но уже к концу 1900-х годов это направление зашло в тупик, фактография вела к поверхностной описательности, к сосредоточению авторов (ради абсолютной достоверности!) на самих себе: восторжествовал жанр эго-романа (*ватакуси сёсэцу*), который один из последующих критиков остроумно назвал "80 тысяч лье вокруг самого себя".

Полемикой со сторонниками *сидзэнсюги* продиктована повесть Огай "Vita sexualis" (1909). По форме она представляла собою нечто похожее на *ватакуси сёсэцу*, по существу же противостояла этому распространившемуся в те годы типу повествования. Натуралисты изображали человека рабом физио-

логических инстинктов: как эпигоны Золя и Мопассана они подчеркивали в побуждениях своих персонажей "императивы пола". Огай решил дать им бой, так сказать, на их собственной территории. Рассказывая о себе, он насмешливо и забавно показал "сексуальное становление" юноши. Вспоминал, как по окончании университета попал на вечеринку с гейшами и нашел противными их профессиональные заигрывания. Проблемы секса не заслуживают, по убеждению автора, того всеобъемлющего внимания, какое уделяется им в натуралистических романах.

Нелепо, но цензоры испугались однозвучного названия повести и запретили ее как "непристойную", хотя по существу был представлен всего-навсего литературный памфлет.

В 1909—1913 гг. Огай возглавлял молодежное объединение "Субару" ("Созвездие Плеяды"), выступавшее под флагом анти-сидзэнсюги. Уэда Бин, Такамура Котаро, Киносита Мокутаро, Ёсано Акико, Сато Харуо, Танидзаки Дзюньитиро и другие поэты и прозаики издавали свой ежемесячный журнал "Субару". Группа именовала себя "Неоромангиками", протокольное воспроизведение "изнанки жизни" молодежь не привлекало, она хотела парить над обыденностью. Гимн "Субару" гласил: "Алеет облако в небе. В бутылки горит вино. Зачем унывать в этом мире? Ведь небо над нами красно!". На "алых парусах фантазии" молодежь уносилась к экзотическим странам и далеким временам, выражала радостное восприятие мира.

С периодом издания "Субару" связана вторая волна творческой активности Мори Огай. В одном только 1909 г. им написаны драмы "Маска" ("Камэн") и "Сидзука" (имя собственное), рассказы "Полдня" ("Ханнити"), "Весточка скворца" ("Мукудори цусин"), "Наркоз" ("Масуй"), "Курица" ("Нивагори"), "Золотая монета" ("Кинка"), "Изгнание демонов" ("Цуина"), упомянув выше повесть "Vita sexualis". За три с небольшим года писатель опубликовал более сорока произведений, в том числе такие крупноформатные вещи как "Юноша" ("Сэйнэн", 1911) и "Дикий гусь" ("Ган", 1911). Заметно нарастало его художественное мастерство, появилось большое разнообразие в темах, жанрах.

Традиционным романом можно назвать "Дикого гуся", его героиня являла собою огаевский идеал женщины. Юную красавицу Отама отличают кротость, самопожертвование, душевная стойкость. Оставшись единственной опорой своего престарелого отца, она, чтобы обеспечить ему сносное существование, была вынуждена пойти на содержание к богатому ростовщику. Но даже униженное положение содержанки не убило в ней внутреннего достоинства. Сочувственно показано пробуждение дремавших в женщине душевных сил: "появилось сознание, что не обязательно искать защиты у других, защититься можно и самой". Как истинный романтик Огай показал, с одной стороны, беззащитность человека перед судьбой, с другой же — и неподвластность его судьбе.

Интеллектуальный опыт писателя отразился в философском эссе "Блуждания" ("Мосо", 1911). В этом бессюжетном произведении повествование ведется то от первого лица (я), то от персонажа, именуемого Старик, причем, в конечном итоге эти фигуры совпадают. Некогда Старик занимался медициной — "самой естественной из всех естественных наук". На склоне лет, поселившись в хижине на берегу моря, он созерцает природу и вспоминает пережитое. В молодости его увлекала европейская философия — Шопенгауэр, Гартман, Майнлендер, у них он искал разрешения загадки человеческого

бытия, тайны смерти. С годами Старик пришел к выводу, что умиротворенное слияние с окружающим мирозданием — выше всех умствований. Без страха перед грядущим небытием, но и не поспешая к нему, Старик отдавался течению времени.

В известном смысле программным явился рассказ "Словно бы" ("Ка-но ё-ни", 1912). В нем повествуется о молодом ученом Годзё Хидэмаро, который, подобно самому автору, окончил Имперский университет в Токио и завершал образование в Германии. Хидэмаро понял, что официальные историографы Японии занимаются пересказыванием мифов. Он хочет написать, наконец, подлинную, научную историю своей страны — без рассуждений о божественном происхождении императора, о "духах предков" и пр. В своих дерзких намерениях Хидэмаро не встречает поддержки друга, особенно встревожен ими его собственный отец. Старый аристократ убежден, что отказ от общепринятых суждений слишком рискован, он способен нарушить стабильность общества.

Хидэмаро терзается сомнениями: как совместить долг "лояльности и патриотизма", которые покоятся на мифических основах, с современными идеями индивидуализма, ценности каждой личности, наконец, со свободой науки? Однако под давлением отцовского авторитета и по собственным "зрелым размышлениям" молодой историк отказывается от радикальных замыслов. Выработывая принцип "примирения", он опирается на концепцию немецкого социолога Х. Вайхингера, изложенную в книге "Als ob". Именно этими словами "словно бы" Огай мотивирует ретировку своего героя. Что ж, ради сохранения порядка придется пока принимать мифы так, словно бы они соответствуют истине. Хидэмаро не решился на ниспровержение традиционного табу, но сами его сомнения пробивали брешь в стене закосневших представлений, расшатывали фундамент государственной морали.

В реальной действительности понадобилось еще несколько десятилетий, чтобы японский император сложил с себя "божественный сан" (*арахитогами*), произошло это в 1945 году — после капитуляции Японии во Второй мировой войне.

* * *

Ярким итогом творческого пути Огай явилось последнее десятилетие, когда он писал преимущественно историческую прозу. Всего на темы отечественной (и отчасти китайской) истории им написано двадцать четыре произведения (рассказы, повести, пьесы), эта часть наследия единодушно оценивается как высшее проявление его таланта.

Непосредственным толчком, побудившим писателя обратить взор к прошлому, послужили события 1912 года. Скончался император Муцухито — символ 44-летнего "просвещенного правления" Мэйдзи. В день августейших похорон совершил ритуальное харакири маршал Ноги Марэскэ (1849—1912), — "ушел вслед за императором". В русско-японскую войну Ноги являлся главнокомандующим маньчжурской армией, в ту пору Огай служил под его непосредственным началом. Акт вассальной верности прославленного генерала-победителя побудил Огая к размышлениям над смыслом самурайской морали; тем более, что он сам происходил из того же сословия.

Самурайство в отдельные периоды истории составляло до четверти населения страны и считалось квинтэссенцией нации. Сохранилась пословица:

"Среди цветов — вишня, среди людей — самурай". И в жизни и в смерти самураи руководствовались неписанным законом чести *бусидо* (путь воина). Высшим долгом почиталось служение господину, все остальные требования: мужество на поле брани, презрение к расчетам и выгодам и пр. подчинялись этой основной цели. В среде самураев был распространен добровольный уход из жизни. Готовность в любой момент расстаться с этим миром воспитывалась в самураях с детства. "Легкое" отношение к собственной кончине составляло важнейший элемент морали.

Поскольку конец для каждого неизбежен, считалось, что достойнее прийти к нему в наиболее подходящий момент, в ясности ума и сил. Самоубийством искупались собственные проступки, малейший ущерб достоинству. Но самым непреложным императивом к *харакири* считалась гибель господина.

Большинство сюжетов Огай черпал из истории периода Токугава, иначе он называется Эдо — по имени тогдашней "восточной" столицы, где жили верховные военные правители *сёгун* ("Западной столицей" был город Киото — место пребывания императора). Небольшое число произведений написано по более старинным источникам.

Сам автор разделял свои повести о прошлом на две категории, о чем свидетельствует его очерк под заглавием "История как она есть и по мотивам истории" ("Рэкиси соно мама то рэкисибанарэ", 1915). Первый вид повествований базируется на документах и хрониках, их действующие лица идентифицируются с реальными фигурами минувших лет. Второй вариант меньше привязан к фактам, на первый план выступает в нем "истина человеческой ситуации". Достоверным героям в этом случае могут сопутствовать персонажи вымышленные, порою представляемые потомками тех, кто, скажем, выступал в предыдущих сочинениях. (Так, разные поколения феодального клана Хосокава с острова Кюсю фигурируют в повестях "Семья Абэ", "Токо Тахэй", "Куряма Дайдзэн", "Посмертное письмо Окицу Ягоэмон").

Примером "истории как она есть" может служить "Случай в Сакай" ("Сакай-дзикэн", 1913). Повесть практически не содержит вымысла, события развертываются в ней день за днем; как и в дневниковых записях, они привязаны к точным датам и обозначенному месту действия. В основу положено истинное происшествие 1868 г. в районе Кансай. Французские моряки высадились в городе Сакай на японский берег, бесцеремонно разгуливали по домам, шутя прихватили какое-то знамя. Обстрелянные солдатами местного гарнизона, они понесли потери. В результате последовала нота французского консула (уже были учреждены первые иностранные представительства). Губернатор был вынужден наказать виновных: в последний момент смертную казнь им заменили на "добровольное" *харакири*, что считалось более "достойным" для приговоренных. Одна за другой сменяются выразительные сцены, в которых молодые крепкие парни поднимаются на специальный помост и мечами вспарывают себе животы. Демонстрируется незаурядное мужество, за секунды до смерти они находят в себе силы произносить речи, руководить своими секундантами (миссия которых состояла в том, чтобы отсекать умирающему голову). Зрелище "алой крови на белых подстилках" ужасает иностранных представителей, их почетные места на трибунах пустеют. Живописуя бытие по нервам сцены, Огай не сопровождает их рассуждениями о жестокости истребления невинных людей и пр. Мощью всего контекста дается понять: обычаи предков — это другое измерение, они находятся за пределами

современных суждений, и никакая беллетристическая болтовня тут не уместна.

Эпилог "Случая в Сакаи" типичен для большинства исторических повестей. Их герои, как правило, трагически погибают, но повествование на этом не заканчивается. Автор старается проследить дальнейший путь их семей, судьбу потомков. "Что касается тех одиннадцати, что совершили харакири, то после Миноуры сыновей не осталось, и род его прервался. Восьмого числа третьего месяца третьего года Мэйдзи его дом унаследовал Кусукити, второй сын его однофамильца Миноуры Кодзо. Кусукити присвоили чин и положили жалованье восемь коку и три то. Впоследствии Кусукити женился на дочери Инокити. У Нисимуры остался отец, Сэйдзаэмон, но и тот вскоре умер. Пережил всех дед Кацухэй, который и хранил линию рода. В дальнейшем он взял приемного сына из семьи родственников по фамилии Какэи". Нетрудно заметить, что Мори Огай воспринимал человеческую историю как непрерывный поток, в его прозе — помимо сегодняшнего дня — открывается обзор в обе стороны времени — назад и вперед.

Другой, квазиисторический тип повествования представляет собой, к примеру, "Сансё, хозяин Исиуры" ("Сансё даю", 1914). Сюжет этого, может быть, самого популярного произведения Огай, заимствован из легенды X века. Драматична судьба его героев — членов аристократической семьи из города Киото. Отец семейства стал жертвой придворных интриг, попал в опалу и погиб, сосланный в глухую провинцию. Его жену и детей захватили разбойники, продали их в разные концы страны. Девочка и мальчик батрачили у жестокого хозяина Сансё. Когда Андзю, старшей сестре, исполнилось 15 лет, она сумела устроить брату побег, сама же — чтобы под пытками его невольно не выдать — утопилась. Наутро отряд преследователей нашел "на краю болота лишь пару маленьких сандалий".

Добрые люди и поддержка буддийского божества помогли брату (его зовут Дзусё) добраться до Киото, там ему удалось вернуть себе наследственный титул и состояние. Справедливость в конечном итоге одерживает верх. После долгих поисков Дзусё находит мать, ослепшую от горя; заставляет помещика Сансё отпустить рабов на волю.

Романтический дух повести очевиден. Все ее события происходят как бы на тонкой грани между правдой и вымыслом. Реальность и фантазия, сон и явь — смешиваются. Существенную роль в развитии сюжета играет чудесный амулет — резная фигурка будды. Именуемый Дзидзо-сама, талисман переходит от родителей к детям, оказывает помощь в самых безвыходных ситуациях. Сверхъестественные спасители и мотивы вещей сновидений способствуют почти сказочной увлекательности повествования.

Еще одна квазиисторическая повесть "Госпожа Ясуи" ("Ясуи-фудзин", 1913) построена на художественных контрастах. Известный в эпоху Эдо ученый конфуцианец Ясуи Тюхэй показан как человек, полный внутренних достоинств. Но его внешность крайне неказиста — он маленький, кривой и рябой. Девушка Отоё, к которой засылали его сватов, отказалась идти замуж за "обезьяну" Тюхэя. Зато ее младшая сестра — красавица и умница Осаё дала согласие и стала Тюхэю преданной супругой. Осаё — один из лучших женских образов, созданных Мори Огай. "Что за женщина была Осаё?... Одевалась просто, жила скромно, не помышляла ни о лакомствах, ни о развлечениях. Сказать, что она была простушкой и ни в чем не понимала толка, — так ведь трудно поверить. Трудно поверить, что все ей было безразлично, что

у нее не возникало никаких потребностей — ни плотских, ни духовных. Видимо, Осаё была одержима единственным желанием, перед которым меркло все остальное. Люди, умудренные житейским опытом, наверное, скажут: она желала успехов мужу. Возражать против этого не стану и я, пишущий эти строки. Но если кто-нибудь намекнет, что торговец вкладывает капитал в расчете на прибыль, а Осаё с таким же расчетом вкладывала в мужа свое терпение и труд, да рано умерла, не вкусив плодов, — против этого я решительно восстану.

Осаё, бесспорно, лелеяла надежды на будущее. До самой кончины ее красивые глаза всегда были устремлены вдаль. Возможно, она не успела почувствовать приближение своей смерти? Возможно, надежда ее была такого свойства, что и она сама не смогла бы объяснить ее суть?"

Чем определяется мера вымысла в исторических повестях Огай? Далеко не все он мог почерпнуть в документах, вымыслом они дополнялись: существенно то, что творческая фантазия не входила в противоречие с реальностью. Знаток японского средневековья Огата Цугому опубликовал книгу "Историческая проза Мори Огай. Материалы и методы" ("Мори Огай-но рэкиси сё-сэцу. Сирё то хохо", Токио, 1979), где сопоставил повести с документами, на основе которых они создавались. Автор пришел к выводу, что цель писателя не исчерпывалась рассказом о деяниях людей прошлого. Кроме событий, он показывал мотивы, по которым совершались те или иные поступки, анализировал человеческую психологию. Как историк Огай показывал, что было в прошлом, как беллетрист — как и почему это было. Вспоминаются слова русского исторического романиста Ю. Тынянова: "Я начинаю работать там, где кончается документ".

Из комплекса исторических произведений Огая встает прежде всего собирательный портрет самурая. Отправляясь от документов (преимущественно хроник XVII—XIX вв.), он показывает облик феодального воина, его жесткую самодисциплину, определявшуюся неписанным кодексом чести *бусидо*. Изображаются военные сражения, кровная месть, сцены харакири. Показано множество трагических смертей, самураи сами выносили себе приговор и сами приводили его в исполнение. Раскрывая душевный мир самурая, писатель воздерживается от резонерства, он не навязывал прошлому современные понятия о морали. Огай давал понять, что "гуманизм" XX века исходит из другой системы представлений о человеке и его месте в мире.

Показательна в этом смысле повесть "Цугэ Сиродзаэмон" (имя собственное, 1915). Она посвящена самураю, который совершил террористический акт против Ёкои Сёнан (1809—1869): государственный советник Ёкои содействовал установлению связей с представителями западного мира. Воспитанный в эпоху ненависти к чужеземцам, Цугэ Сиродзаэмон считал европейцев "варварами" и врагами: убивая их пособника, он следовал своему пониманию патриотического долга. Мори Огай принадлежал уже к другому поколению, в его время Япония успела "вернуться лицом к Западу", патриотизм понимался иначе. В свете новой морали Цугэ Сиродзаэмон мог быть представлен как обыкновенный уголовник-убийца, однако, верный исторической объективности, Огай показывает его как по-своему глубоко порядочного и мужественного человека.

В поздние годы Огай создавал биографические книги о конфуцианских ученых эпохи Эдо. Первая из них посвящена врачу и книжнику Сибуэ Тюсай (1805—1858). Интерес к этой фигуре связан с тем, что предки самого Огай

подвизались в годы позднего феодализма на той же ниве (его отец был лекарем князя в клане Цувано). Огай поднял архивы, посетил все места, связанные с памятью ученого; о своей документальной повести "Сибуэ Тюсай" (1916) он сказал: "Я написал ее ногами", — имея в виду многотрудные походы за розыском материалов.

Ученые старого склада были универсальны, неудивительно, что Тюсай показан сведущим во многих областях — фармакологии, каллиграфии, самурайских генеалогиях, географических картах.

Своеобразие стилистической манеры "Сибуэ Тюсай" состоит в том, что Огай без всякой маски присутствует в ней как историк и комментатор. Он раскрывает всю свою творческую лабораторию, показывая процесс работы над книгой. "Биография" продолжается и после смерти героя. Огай полагал: когда вы изображаете историческую фигуру, очень важно проследить судьбы ее потомков; поэтому он писал о том, что было с его детьми, учениками, дальними родственниками. Таким образом, читатель то погружается в историю, то приглашается отойти в сторону и посмотреть на эпоху Эдо (в данном случае рассматривается конец XVIII—начало XIX вв.) глазами современного человека.

Вслед за "Сибуэ Тюсай" были написаны два других биографических сочинения: "Идзава Ранкэн" (1916) и "Ходзэ Катэй" (1917), все названия даны по собственным именам героев. В этих исторических биографиях (*сидэн*) Огай показывал "молчаливое величие" почти забытых людей прошлого, раскрывал красоту отечественных традиций. Писатель сохранял проникновенное чувство родины, подходя к истории своего народа с открывшихся ему высот мировой культуры.

Прямых учеников Огай не имел (по причине невероятной занятости, замкнутого характера и др.) Но его многогранному, мужественному стилю подражали многие последующие писатели — Танидзаки Дзюнгитиро, Акутагава Рюноскэ, Мисима Юкио.

Значительность влияния Огай на последующие поколения отмечал Сато Харуо: "Литературная молодежь конца Мэйдзи — начала Тайсё воспитывалась на его произведениях, особенно второй половины творчества. Под их явным воздействием формировались Нагаи Кафу, Сайго Мокити, Киносита Мокугаро, Акутагава Рюноскэ и другие: в этом не может быть сомнений. А сколько творцов литературы и ее поклонников впитало дух Мори Огай еще и в дальнейшем, уже через этих, новых писателей!"

Литература

1. Мори Огай дзэнсю. Токио, Иванами сётэн, 1971—1975 (в 38 томах).
2. Сато Харуо. Мори Огай-но романтизм (Романтизм Мори Огай). — Мори Огай дзэнсю (том-исследования).
3. Накано Сигэхару. Огай соно сокумэн (Огай — взгляд со стороны). Токио, 1972.
4. Кобори Кэйитиро. Мори Огай-но сэкай (Мир Мори Огай). Токио, 1971.
5. D. Keen. Dawn to the West. New York, 1984.

Мори Огай

Сугинохара Сина

Однажды, когда я собирался в Киото на церемонию восшествия императора¹, почта доставила журнал, посланный одним из обществ, в котором я состоял. Из-за спешки я ограничился беглым просмотром, но все же успел заметить рассказ о гейше Такао из Сэндай. Я давно знал легенду, связанную с этим именем, равно как и ее опровержение, доказательно изложенное Оцуки Фумихико². Новый возврат к ошибочной версии меня удивил, но по размышлении я, кажется, понял, в чем тут причина.

Каждый, кто причастен к литературному труду, имеет представление, много ли людей читает исследования. Конечно, каждая публикация имеет шанс быть прочтенной, но в действительности таких читателей оказывается крайне мало. Да и то правда, немислимо ведь прочесть все, что печатается. Поэтому не только широкие слои, но даже образованные люди исследования читают редко. Рассказ в журнале посмотрят гораздо охотнее, знакомство же с аргументами Оцуки Фумихико вполне может остаться неизвестным.

Статья Оцуки основана на "Повести из Осю"³, написанной некоей Аяко — дочерью Кудо Хэйскэ из Сэндай, замуж она вышла за Тадано Ига. Славой своей она обязана, главным образом, знакомству с Такидзава Бакином⁴. Оцуки хорошо знал эту повесть, но ее исторической достоверности не переоценивал. Согласно версии Аяко, князь-даймё⁵ Датэ Цунамунэ⁶ выкупил из квартала Син-Есивара⁷ гейшу по имени Такао и привез ее в Сэндай, где она и дожила до преклонных лет.

Аяко утверждает, что могила Такао находится в храме Буцугэндзи (Арамити) и что именно от Такао пошла (в Сэндай) фамилия Сугинохара.

История эта представляется выдуманной от начала до конца. Датэ Цунамунэ вступил в права наследования после отца, Тадамунэ, который скончался в 1-м году Мандзи (1658). В первый день второго месяца 3-го года Мандзи (1660) Цунамунэ получил приказ центрального правительства *бакуфу*⁸ возглавить строительство канала Коисикава в Эдо. В третьем месяце он покинул Сэндай и приступил к выполнению задания. Согласно проекту канал следовало проводить от моста Судзикаэ-баси (нынешний Маисэй-баси) до Умигомэдо-баси. Штаб-квартира Цунамунэ была оборудована во временной резиденции на территории

храма Китидзёдзи. Храм находился на северо-восточной окраине Суйдобаси, ныне это район Комагомэ.

Вероятно в те дни Цунамунэ начал навещать небезызвестный квартал Ёсивара. Для молодого князя по тем временам дело было довольно обычное. Не обычно то значение, которое придало ему правительство *бакуфу*. Как видно, кому-то очень понадобилось намеренно очернить его репутацию. "За неподобающее поведение" Цунамунэ посадили под домашний арест, из усадьбы Сибахама (что находилась, по видимому, как раз в центре нынешней станции Симбаси) его перевезли в район Синагава⁹.

25-го дня 8-го месяца главою клана Датэ объявили его сына Камэтиё, которому было всего два года от роду; самому Цунамунэ в то время исполнилось 20 лет¹⁰. Руководство дренажным проектом осталось за кланом Датэ, на следующий год строительство было завершено.

Которая же из жриц Ёсивара снискала благосклонность Цунамунэ? Весьма вероятно, что это была блистательная Каору из дома Ямамото, что в Кёмати. Такао же из дома Миура тут явно не при чем, ибо твердо установлено, что между третьим и седьмым месяцем второго года Мандзи (1659) таковой среди гейш не значилось. Следовательно, ни посещать, ни выкупать никакую Такао князь не мог. Далее, после заточения в Синагава он никогда более не бывал у себя на родине в Сэндай. В 3-м году Тэнна (1683), когда ему исполнилось 44 года, он принял постриг и монашеское имя Касин. Скончался в возрасте 72 лет — шестого дня шестого месяца первого года Сётоку (1711). Даже если бы Цунамунэ на самом деле выкупил какую-то гейшу, то увезти ее в Сэндай он уж не имел никакой возможности. Тем не менее распространилась легенда, будто Цунамунэ взял к себе Такао, пустился с ней в путь, но по дороге у Мицумата ее убил. Аяко эту версию отвергает, по ее толкованию, Такао приехала в Сэндай, где и родила в дальнейшем сына. Таким образом, вместо одной сказки Аяко придумала другую.

II

Кому же в таком случае принадлежит могила на территории Бупугэндзи, упоминаемая в "Повести из Осю"? Это могила наложницы Цунамунэ по имени Сина, ее потомки носят фамилию Сугинохара, поскольку она происходила из этого рода. Ни с Ёсивара, ни с гейшей Такао никакой связи не существует.

Что представляла собою Сина? В свое время, намереваясь восстановить историю заточения Цунамунэ в Синагава, я изрядно потрудился над сбором информации. Цунамунэ был не рядовой князь-даймё,

его отличали таланты — к поэзии, каллиграфии, живописи. В 19 лет он стал главой клана и хозяином поместья в 620 тыс. *коку*¹¹. Правда, уже через два года его посадили под домашний арест — из-за интриги, спровоцированной его дядюшкой Датэ Хёбу Сёю Мунэкацу. С того времени и до пострижения в монахи Цунамунэ ни разу не позволили повидать своего сына Камэтиё (во взрослые годы он носил имя Цунамура).

В 9 году Камбун (1669), когда Камэтиё исполнилось 11 лет, ему дали отроческое имя Содзиро Цунамото. Два года спустя он вступил в формальное родство с Итиноками Мунэоки — наследником Мунэкацу. Дело обернулось таким образом, что патрона Мунэкацу (Датэ Аки) в том же году убили, в усадьбе Сакай его убил некий Харада Кан¹². Вследствие этого Камэтиё могло достаться владение, которое прежде считалось почти потерянным. В 5 г. Эмпо (1677) он вновь переименовал имя и стал прозываться Цунамура. Через два года скончался его тайный недоброжелатель Мунэкацу. До воссоединения Цунамунэ с Цунамура оставалось еще четыре года.

На каллиграфических свитках, написанных Цунамунэ в его длительном заточении, нередко встречается печать (с иероглифами) *тика хаккай*, что значит "избегать чрезмерной искусности". Одаренность Цунамунэ не ограничивалась областью каллиграфии и поэзии, он пробовал свои силы в искусстве перегородчатой эмали, в керамике, даже ковал мечи. Вся его энергия, нерастраченная в политике, обратилась на художественное творчество, что представляется особенно достойным. Не менее достойно и то, что под арестом Цунамунэ не сломился духом. Весь дом в Синагава был украшен его руками — на стенах выложено более четырехсот изразцов кафеля, по тем временам очень редкостного материала. Рассказывают, что наиболее крупные изразцы продавались впоследствии за 70 *рё*¹³ каждый. Разве все это не свидетельствует о его творческой мощи?

Во все зрелые годы Цунамунэ с ним рядом была наложница Сина — личность по-своему тоже незаурядная. Законной супруги Цунамунэ не имел, дольше других он был связан с Мисава Хацуко, которая родила ему Камэтиё, и с Синой, о которой идет речь.

Хацуко родилась в 11 году Канъэй (1640), она была ровесницей Цунамунэ; Сина же, кажется, годом его старше. Хацуко происходила из знатной семьи, выросла в полном достатке. Цунамунэ совершил с ней формальную свадебную церемонию, правда, в правительстве *бакуфу* их супружество не регистрировалось. Обоим было тогда всего по шестнадцать лет. Три года спустя он стал главою клана, а через четыре года — 8 марта 2-го года Мандзи (1659) родился Камэтиё — как раз за год до утверждения проекта канала. Тогда же 21-летняя Сина поступила на службу в дом Хама. Цунамунэ тотчас же положил на нее

глаз и приблизил ее к себе еще до того, как Хацуко разрешилась от бремени.

III

Хацуко, служившая Цунамунэ прежде Сины, имела блестящую родословную. Некий Иидзима Сабуро Хиротада — потомок в восьмом колене Муцу-но ками Манкай (который в свою очередь являлся четвертым сыном Рокусонно Цунэмото) владел поместьем Мисава в Идзумо¹⁴. Старшим внуком Хиротада был Мисава Рокуро Тамэнага. Потомок Тамэнага в десятом колене — некто Тамэтора Сакеноскэ переехал в Футю (Нагато) и сначала служил у Амако Ёсихиса, потом у Мори Тэрумото. Таномонскэ Тамэмото, старший сын Тамэтора, не поладил с отцом и сбежал в провинцию Оми. У Тамэмото родились сын и дочь. Старший из детей — Гэнноскэ Киёнага был усыновлен хозяином замка Огаки в Мино персоной по имени Удзиэ Хиросада. На исходе битвы при Сэкигахара¹⁵ он вместе с Хиросада попал в плен к Хосокава Тадатоки. Дочь, которую звали Кии, при содействии Тадатоки оказалась среди персонала во внутренних покоях Эдосского замка, она стала фрейлиной Фурихимэ — приемной дочери самого Токугава Иэясу.¹⁶ В 3-м году Гэнна (1617) Фурихимэ вышла замуж за Датэ Масамунэ, фрейлина Кии по-прежнему находилась при ней и вместе с ней переехала в Сэндай. Киёнага, старший брат Кии, немало постраивал по свету, пока, наконец, не осел в Тоттори (Ипаба), где от брака с дочерью Куцуки Нобуцуна у него и родилась Хацуко. Тетушка Кии взяла девочку к себе — в женские покои семьи Датэ.

Фурихимэ — дитя Икэда Тэрумаса и Кохимэ, второй дочери Иэясу. Удочерив девочку, Иэясу выдал ее замуж за Тадамунэ. Датэ Цунамунэ родился от Каихимэ — наложницы Тадамунэ, но в дальнейшем был усыновлен принцессой Фурихимэ. Наложница Каихимэ происходила от *сатюдзэ* Кусигэ Такамуэ¹⁷ и младшей сестры Микусигэ-но Цубонэ, матери императора Госайин¹⁸.

За три года до смерти Тадамунэ заметил в окружении Кии хорошенькую и умненькую Хацуко. Сказал Кии, что хотел бы видеть Хацуко наложницей своего сына. Но Кии, не забывая (знатную) линию своего рода, сочла за благо ответить отказом. И тогда в усадьбе Хама отпраздновали жепитьбу Цунамунэ на Хацуко — в первом месяце первого года Мэйрэки (1655).

Сохранилась деревянная скульптура, дающая представление о красоте Хацуко. Написанные на продолговатых бумажных свитках стихи запечатлели ее каллиграфическое мастерство, его же демонстрируют оставшиеся письма и собственноручный список Лотосовой сутры. Сложные ею стихи свидетельствуют о вкусе. Словом, жеп-

щина была красивая и угонченная. Не случайно Тадамунэ выбрал для своего сына Цунамунэ эту племянницу жениной фрейлины, и даже согласился на официальный брак.

Отношения между полами — вещь непостижимая. Хацуко только готовилась произвести на свет наследника, а Цунамунэ уже увлекся Синой — женщиной, тоже по-своему достойной кисти художника. Подобное (скоропалительное сближение) можно объяснить лишь ее необыкновенной привлекательностью. Потому-то я и решил познакомить вас с Сугинохара Синой и раскрыть ее достоинства, — а вовсе не только для того, чтобы еще раз подчеркнуть: мол, Сина и Такао не одно и то же лицо; этот факт уже давно доказан у Оцуки Фумихико.

IV

Проследим генеалогическое древо Сины. В роду Акамацу из Харима был некий Сугинохара Ига-но ками Катамори. Позже он обрел себе голову и стал монахом по имени Сои. Следовательно, фамилия Сугинохара первоначально происходит из области Харима. Среди потомков Катамори значится некто по имени Моринори Сицзаэмон. Предание гласит, что в результате распада клана Моринори он остался без должности и по этой причине отправился в Эдо. Там и погиб, пострадав при большом пожаре 3-го года Мэйрэки (1657). В период развала клана Акамацу князь Акамацу Норифуса, владелец поместья Ава в 10 тыс. коку, участвовал в битве при Сэкигахара и был убит на поле боя. Моринори в то время было всего 15 лет, а дочь Сина родилась, когда ему исполнилось пятьдесят три. Словом, Сина появилась на свет намного позже того, как он липился самурайской службы. Женился он уже в Эдо, будучи на положении "свободного самурая". Об этом свидетельствуют исторические записки, которые гласят, что его жена, родившая Сину, происходила из Адзабу¹⁹, где ее отец Нитидо, священник секты Нитирэн, служил в храме Сэйгайдзи. Детей у Моринори было двое: Сина и ее младший брат Унэпоскэ, умерший в детстве. Таким образом, после кончины Моринори 19-летняя Сина осталась его единственной наследницей, поэтому ее взяли жить в (дедовский) храм Сэйгайдзи.

Двумя годами позже, во 2-м году Мандзи (1659) Сина попала в обслугу усадьбы Хама, и похоже, сразу же Цунамунэ взял ее себе в наложницы. Существуют достоверные свидетельства, что она отвечала ему глубокой привязанностью. В 3 г. Мандзи (1660), когда за участие в заговоре его приговорили к домашнему аресту в Синагава, она последовала за ним.

Лишь на один день испросила отпуск, чтобы поскорее повидаться с дедом и другой родней, со старыми подругами и поцарапаться со

всеми навсегда. Она оборвала все прежние связи, чтобы полностью посвятить себя опальному Цунамунэ. По сохранившимся свидетельствам, Цунамунэ, очень довольный этим, пожаловал Сину гербом (на одежду) в виде подснежника — эмблемой семьи Датэ.

Привязанность Сины к Цунамунэ оставалась неизменной. С первого дня любви, когда Цунамунэ был двадцатилетним, и до того, как он покинул этот мир в 72 года, она служила ему верой и правдой. После его кончины приняла постриг и под именем монахини Дзёкюин переехала в Сэндай. Там в 1-м году Кёхё (1716) она скончалась в возрасте 78 лет.

В ту пору, когда ей было еще сорок пять, Цунамунэ постригся в монахи. Через три года умерла Хацуко. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что Цунамунэ, с той поры носивший монашеское имя Касин, прожил все оставшиеся ему двадцать пять лет только вводем с Синой. О подобных вещах точные суждения невозможны, но ясно одно: Касин стойко нес свой крест, Сина же, в свою очередь, отдала ему все что могла. Видеть в ней только верную наложницу мало, она была его спутницей, душевной и жизнестойкой.

В преклонные годы Сина взяла к себе девочку Иси — дочь Накацука Дзюбэй Сигэбуми, выдала ее замуж за Кумагаи Ицуки Наокиё. И получилось так, что линию Сина продолжил второй сын Наокиё — Цунэноскэ. Нынешний род Сугинохара ведет свое начало от этого самого Сугинохара Цунэноскэ.

V

Итак, 26 дня 7-го месяца 3-го года Манцзи (1660) Цунамунэ перевезли в Синагава. Его арест спровоцировал т. н. сэндайские беспорядки, апогея они достигли 27-го числа 3-го месяца 11-го года Камбун (1671), когда Харада Кай зарубил Датэ Аки в доме Сакаи Тадакиё. Цунамунэ вынужден был наблюдать всю эту смуту как пассивный зритель.

Усадьба Минамиои-мура в Синагава представляла собой резиденцию самых скромных размеров, ее построили на месте снесенного храма и крестьянских хижин. В распоряжении Цунамунэ оказался один-единственный вассал. В те дни Татибана Тадасигэ, приходившийся Цунамунэ родней, тайно переслал ему записку, в которой умолял его воздерживаться от каких-либо протестов: "Если позволите дать Вам совет, Вы прогуливайтесь вблизи дома, но старайтесь не привлекать к себе внимания". Молодая, энергичная натура Цунамунэ внутренне не могла не восставать, хладнокровное пребывание в четырех стенах давалось ему нелегко, но сдерживали дополнительные тревоги: за маленького Камэтиё, за политическое спокойствие в Сэндай. При-

служивал ему тогда Омати Бидзэн, человек невыразительный; его тяжкое бремя способны были разделить только Хацуко, ну и конечно — Сина.

В беспокойных снах Цунамунэ ему часто являлся Камэтиё, с Третьего года Мандзи (1660) до Второго месяца Восьмого года Камбун (1668) проживавший в усадьбе Хама. Потом Хама сгорела, пострадала от пожара и главная усадьба Атагосита²⁰. Этим главным домом семейство Датэ пользовалось, по всей видимости, только в экстраординарных случаях. Во времена Цунамунэ он находился в Сакурада — как раз в северо-западном углу нынешнего парка Хибия. Цунамунэ приезжал туда из своего поместья Хама в тех случаях, когда вызывал *сёгун*. После пожара Камэтиё переехал в Сироканэдай (Адзабу), этот дом был получен взамен конфискованного правительством *бакуфу* владения в Сакурада в Первом году Мандзи (1658). Атагосита одно время использовалась как перевалочная усадьба между Хама и Сакурада, потом считалась главной квартирой, но и она стала жертвой пожара.

Позже провели ремонт Атагосита, и в Двенадцатом месяце Года Пожаров Камэтиё переехал туда. С этого времени семья Датэ постоянно жила в центральной усадьбе.

Камэтиё продолжал считаться главой дома Датэ, каковым его назначили в двухлетнем возрасте — на Восьмом месяце Третьего года Мандзи (1660). В шестилетнем возрасте он удостоился чести побывать у (верховного правителя) Токугава Иэцуна — в Шестом месяце Четвертого года Камбун (1664). После этого поселился в Атагосита, где и вошел в возраст Одиннадцати лет²¹ — во Втором месяце Девятого года Камбун (1669). Полученное при этом имя Содзиро Цунамото в Первом месяце Пятого года Эмпо (1677) он сменил на Цунамура.

По мере взросления Камэтиё подстерегали опасности, которые вполне оправдывали тревогу за него Цунамунэ. Наглядным проявлением притаившихся зол явились две попытки отравления.

Первый раз это случилось 27 числа Одиннадцатого месяца Шестого года Камбун (1666), когда Камэтиё было восемь лет. До этого серьезные опасения были связаны с заболеванием оспой — в Девятом месяце Второго года Камбун (1662).

При Камэтиё состояло множество вассалов, исполнявших роль телохранителей; ухаживали же за ним до десятилетнего возраста служанки. Начальницей среди них была некая Тоба — дочь Сакакида Рокудзаэмон Сигэеси, свободного самурая из Эдо; она служила еще при Фурихимэ, затем при Хацуко, и потом при Камэтиё. В тот год ей исполнилось сорок семь лет.

По заведенному обычаю с подаваемых Камэтиё купаний снимали пробу близкие вассалы, которых называли "охрана от дьявола"²². И вот однажды эта процедура окончилась смертельным исходом, погибли Ёнэяма Хэйдзаэмон и Сэнда Хэйдзо. После них еду передали низшему

вассалу и двум собакам, которые тоже погибли. Когда об этом доложили Датэ Хёбу Сёю, телохранителю Камэтиё, тот приказал доставить в усадьбу Хама некоего Кумада Дзихэй; казнили его и лекаря Коно Доэн вместе с тремя сыновьями. Согласно сохранившимся записям, казни были подвергнуты семь или восемь слуг, начиная с повара, и около десяти служанок. Отравление произошло, когда распорядилась Тоба, в связи с чем ее отправили в Сэндай и определили под надзор Дайдзё Гэмба.

Всплыл такой факт: однажды на (прогулочной) лодке Тоба при встрече с Доэном спросила лекаря, аккуратно ли приготовлено лекарство. Так что подозрения против Тоба имели свои основания. Позднее в Сэндай ее одарили значительным участком земли, что подтверждает вероятность ее соучастия.

Но если Хёбу, казнивший Доэна, сам отдал приказ об отравлении, то каковы были его мотивы? В случае смерти Камэтиё еще оставался его младший брат, рожденный (той же матерью) Хацуко. Следовательно, власть над главной ветвью семьи все равно не могла бы перейти к Итиноками — сыну Хёбу. Может быть, он сделал это ради того, чтобы ослабить основную семью и увеличить шансы своего собственного рода? Это первое покушение произошло, когда Камэтиё было восемь лет.

VI

Второе происшествие в усадьбе Сироканэдай относится к Восьмому году Камбун (1668). Случилось это в промежутке между пожаром в Хама и переселением Камэтиё в заново отстроенный дом Атагосита. Однажды в августе месяце некий Сиодзава Тандзабуро, попавший в ближний круг благодаря покровительству Харада Кай, подсыпал отраву в отварного окуня, но в итоге съел его сам и умер. Рыба была отравлена по приказу Харада Кай, вкусил же ее Сиодзава потому, что не нашел в себе сил подать такое кушанье господину. Сохранилось свидетельство, что накануне он поделился завтрашними планами со своей матерью, и та в ужасе закололась мечом. В то время Камэтиё было десять лет.

Со вторым эпизодом отравления не связывали никакой женщины, которую можно было бы отождествить с Асаока из популярной легенды; точно так же не значилось имени Такао в увеселительном квартале Ёсивара, когда его посещал Цунамунэ.

И Хацуко, и Сина знали, что Камэтиё угрожает опасность. Обе женщины хотели его оберечь — Хацуко потому, что это был ее собственный сын, Сина же — ради своего господина. Встречаются наме-

ки, будто Хапуко навещала резиденцию Камэтиё, но официальных записей об этом, к сожалению, не сохранилось.

Далее рассмотрим политическую ситуацию в Сэндай, которая принесла Цунамунэ немало огорчений. В финале сэндайских беспорядков их центром представляется Датэ Хёбу Сёю — дядюшка Цунамунэ и телохранитель Камэтиё. Говорили, что даже самый незаметный союзник Хёбу получал вознаграждение, противника же Хёбу постигала кара, будь он сама невинность. Распоряжения Хёбу отличались полной беспринципностью. Мозговым центром управления княжеством Сэндай являлся Ватанабэ Кимбэй, который забрал силу, став в 3-м году Камбун (1663) инспектором-мэцукэ²³. Уже на следующий год после того, как ему присвоили чин старшины, он стал проявлять невыносимый деспотизм. Его клика развернулась в полной красе позднее, когда Датэ Аки назвал сто двадцать лиц, казненных по их приказу. Наименее заслуженно пострадали сам Датэ Аки и Ито Унэмэ. Ито Унэмэ был приемным сыном Ито Синдзаэмона, который умер от болезни в 3 г. Камбун (1663) вскоре после того, как его сделали старшиной. После его смерти в домашнем заключении в правлении клана поднялась борьба за должности. Когда в 7 г. Камбун (1667) принимали присланного из Эдо инспектора, то с приветствиями от клана должны были выступать: старшина, советник, мастер церемоний, глава гарнизона, распорядитель финансов, старший паж и инспектор. Чаши были наполнены, и Унэмэ, который значился мастером церемоний, следовало бы воздержаться от речей, пока не выступил инспектор.

Но Харада Кай умышленно его спровоцировал, чтобы подставить весь лагерь Ватанабэ Кимбэя.

Датэ Аки управлял уездом Тадагори и жил в Вакуя. Уездом Тоёмагори, примыкавшим с севера, управлял Датэ Сикибу из Тэраикэ. Пограничный спор возник между деревней Осато-мура на северной границе Тадагори и деревней Акодзу-мура уезда Тоёмагори. В 5 году Камбун (1665) Аки уступил Сикибу часть территории, и конфликт был улажен. Но через два года возникли трения из-за земель на юго-западе уезда Момогори, между Сикибу и Аки, который командовал уездом Тадагори. Аки подал жалобу старшине клана, и тогда администрация провела границу заново — в пользу Сикибу. Аки пришел в ярость, в 11 году Камбун (1671) он решил обратиться с жалобой в Эдо, даже если это будет стоить ему жизни. Пограничные споры, как и борьба за прерогативы чина, затрагивали не самые насущные нужды, но и Унэмэ и Аки использовали эти поводы для сопротивления группировке Ватанабэ. Аки руководило желание устранить вассалов-узурпаторов ради своего господина; пограничные претензии волновали его лишь во вторую очередь. Ему удалось достичь цели: Ватанабэ был отдан под стражу Датэ Кунаи Сёю²⁴ и умер, объявив голодовку.

* * *

Начиная этот рассказ о Цунамунэ, я не собирался заострять внимание на смутах в княжестве Сэндай. Для меня было существенно другое — душевное состояние Цунамунэ, лишённого возможности влиять на события.

Мне хотелось обрисовать тех, кто разделял его долю: утонченную и мягкую Хацуко, просвещенную и волевою Сина. Я надеялся выстроить сюжет, напряженность которого подчеркивалась бы хладнокровием членов представленного здесь треугольника. Но я отказался от первоначального замысла — не хватило творческого умения, взяла верх привычка строго следовать историческим фактам.

Пятого мая прошлого года (1915) я побывал в Сэндай и посетил могилу Хацуко в храме Косэджи на Синтэракодзи. Именно эту могилу люди имеют в виду, когда говорят "поклонился погребению Асаока". За старой оградой с явной печатью прошедших веков я увидел новенький гранитный камень и надпись: "Могила Мисава Хацуко". Впечатление странное: как будто перед тобой захоронение недавно умершей школьницы.

От паломничества к погосту Сина в Буцугэндзи я воздержался.

(Опубликовано в январе 1916 г. в двух газетах: "Токё нити-нити" и "Осака майнити".)

Комментарий

1. Церемония происходила в ноябре 1915 г. Историческая биография "Сугинохара Сина" увидела свет спустя два месяца.
2. Оцуки Фумихико (1847—1928) — ученый филолог, произведение Огая основано на его "Документальных записях о смутах в княжестве Датэ" ("Датэ содо дзицуруку").
3. "Осю моногатари" (дата неизвестна), повесть редактировал Такидзава Бакин; она включена в его сборник "О таинственных призраках Осю" ("Онти гёсё").
4. Такидзава Бакин (1767—1848) — известный писатель конца периода Токугава. Известен также под псевдонимом Кёкутэй. Лучшими произведениями считаются: "Чудесный рассказ об ущербном месяце" ("Тиндзэцу юмихаридзуки", 1806—1811), "История восьми псов из Сатоми" ("Нансо Сатоми хаккэндэн", 1814—1841).
5. Даймё — владетельный князь, феодальный властитель.
6. Датэ Цунамунэ (1640—1711) третий правитель княжества Сэндай.
7. Ёсивара, Син-Ёсивара — кварталы в Эдо (Токио), известные своими увеселительными заведениями — театрами, чайными, публичными домами.
8. Бакуфу — центральное правительство военачальников-сёгунов в столице Эдо, буквально "полевая ставка".
9. В своих исторических повествованиях Огай всегда уделял большое внимание географическим и топографическим деталям. Указывал расположение селений, той или иной усадьбы в координатах стран света (север—юг), отмечал, что на этом месте находится в его время.
10. Японская история знала немало несовершеннолетних и вообще фиктивных правителей.
11. Богатство самурая измерялось в натуральных доходах — количестве получаемого риса; *коку* — мера жидких и сыпучих тел, вмещает 150 кг риса. Количество получаемых *коку* определяло место человека в феодальной иерархии.
12. Харада Кай — вассал клана Сэндай, участвовал в заговоре против Датэ Мунэацу — дяди Цунамунэ. Когда Цунамунэ арестовали, владение Сэндай унаследовал его

малолетний сын Камэтиё (которого рассчитывали легко устранить). Датэ Аки в 1671 г. подал на Харада Кай официальную жалобу правительству *бакуфу*. Тогда Кай зарубил Аки, но вскоре и сам был убит эдосским *матибугё* (градоначальником) Симада Тадамаса.

13. Рё — золотая монета высокого достоинства.

14. Рокусонно Цунэмото (917—961) — основатель рода Сэйва Гэндзи.

15. Сэкигахара — местность в провинции Мино, которая явилась ареной сражения между двумя коалициями феодалов. В 1600 г. Токугава Иэясу разбил сторонников Хидэери и провозгласил себя правителем Японии.

16. Токугава Иэясу (1642—1616) — основатель военно-феодалного правительства Токугава-династии, правившей с начала XVII до середины XIX вв.

17. Кусигэ Такамунэ (1582—1613) — дворянин-кугэ, из северной ветви Фудзивара. Имя Кусигэ получил, когда стал дедом императора Госай (по материнской линии).

18. Госайин (1637—1685), иначе Госай-тэнно, — одиннадцатый японский император, правил в 1656—1663 г.

19. Адзубу — район города Эдо (ныне — Токно).

20. Главная усадьба — *поняпе*, связанное с существовавшей в средневековье системой заложничества (*санкин котай*). Эта система контроля и наблюдения была установлена центральным правительством в начале XVII в. Она предотвращала выступления удельных князей против *бакуфу*. Помимо собственных резиденций в княжествах, *даймё* имели "главные усадьбы" в столице, где обязаны были либо сами жить определенную часть года, либо постоянно держать там ближайших родственников в качестве заложников.

21. Одиннадцать лет считался возрастом совершеннолетия, происходила соответствующая церемония: детскую прическу и костюм меняли на взрослые, давали новое имя.

22. Охраняющие от дьявола (*они бансю*) — дегустаторы пищи, которые оберегали князя от отравления.

23. *Мэцукэ* — инспекторы, или цензоры, служащие тайной полиции, которые доносили центральному правительству о поведении удельных князей, их вассалов, членов их семей. Проявляли изворотливость и неразборчивость в средствах.

24. Датэ Кунаи Сёю, или Датэ Мунэсуми, — четвертый сын Хидэмунэ, наследник Датэ Масамунэ.

Мори Огай

Сахаси Дзингоро

Связи Японии с Кореей прекратились после походов Хотайко¹ на Корейский полуостров². Дом Токугава поручил Ёситоси, князю Сокусима³, восстановить официальные контакты. Его стараниями в конце 9 г. Кэйтё (1604) с предварительным, частным визитом из Кореи прибыли три персоны — Сон Унсон, Мун Ик, Ким Хёсун. Токугава Иэясу⁴ распорядился разместить их в храме Дайтокудзи, что в Мурасакино⁵. Весною следующего года в сопровождении Хидэтада⁶ они посетили столицу.

Два года спустя — в апреле 12 г. Кэйтё (1607) из Кореи пожаловали официальные послы. К этому времени Иэясу уже отошел от дел и поселился в замке Сумпу⁷. Послы приехали в Киото, их пригласили проследовать в Эдо. 24 апреля они были устроены в эдоском храме Хонсэйдзи, а 6 мая получили аудиенцию у верховного военного правителя — сёгуна. Четырнадцатого числа делегация из Эдо отбыла, девятнадцатого ее определили в храм Сэйкэндзи гор. Окицу⁸. Двадцатого в час Лошади⁹ они были званы в замок Сумпу. Но прежде послов завезли в усадьбу старейшины Хонда Кодзукэноскэ Масадзуми¹⁰ для переоблачения в церемониальное платье.

На этот раз посольство возглавляли Главный администратор Рё Соккиль и два Главных советника — Кён Сом и Чон Хоквап. Они передвигались в трех корейских паланкинах, на сидении у Рё справа красовалась кукла с искусственным цветком в руке. Их миссия состояла в том, чтобы передать сёгуну в Эдо послание корейского короля Ли Ёна.

Три лица ниже их рангом — Ким Чомчи, Пак Чомчи, Кё Чомчи восседали в паланкинах из натурального дерева, специально изготовленных в Нагасаки. Их сопровождали двадцать шесть высших чиновников, восемьдесят четыре чиновника среднего разряда и сто пятьдесят четыре — низших, всего членов свиты насчитывалось двести шестьдесят девять. Процессию составляли сто пятьдесят всадников, следовавшие друг за другом, более двухсот лошадей с поклажей, свыше трехсот человек шли пешком.

До начала приема на широкой веранде замка Сумпу разложили посольские дары: 60 *кин*¹¹ корней женьшеня, 30 рулонов белой конопляной материи, 100 *кин* меда и 60 *кин* воска. Всего было значительно

меньше по сравнению с подарками сёгунскому дому в Эдо. Делить подношения между Эдо и Сумпу первоначально вообще не предусматривалось. Такая необходимость выяснилась в последний момент, и получилось так, что перечисленные в королевском послании одиннадцать позиций не соответствовали фактическому положению вещей.

Иэясу облачился по этому случаю в одежды зеленого цвета. Он сидел в возвышенной части зала на пьедестале из двух циновок и полосатой парчевой подушки. Три посла приблизились к этому трону, отвесили два глубоких поклона и отошли влево. Три лица следующего за ними ранга — Ким Чомчи, Пак Чомчи, Кё Чомчи кланялись, стоя на веранде. Эта часть церемонии не предусматривала ни вручения письменных грамот, ни угощения чаем или сакэ. Через некоторое время послы вновь отвесили низкий поклон, три чиновника на веранде повторили их действия и, соблюдая субординацию, все удалились.

Иэясу проводил шестерых корейцев взглядом и обратился к своим приближенным:

— Кто-нибудь знает последнего из той троицы на веранде?

Возле Иэясу находился Хонда Масадзуми и еще человек десять. Был среди них и сопровождавший послов Со¹². Почувствовав в словах господина особенное значение, никто из них не спешил с ответом. Наконец, Со опасно произнес:

— Имя этого третьего — Кё Чомчи.

Иэясу смерил его холодным взглядом и повернулся к другим:

— Неужели никто не помнит? Мне шестьдесят шесть лет, но глаза меня не обманывают. В 11 году Тэнсё двадцатитрехлетним юнцом он бежал из Хамамацу, значит сейчас ему сорок семь. Ну и наглец, явился теперь корейцем! Это же Сахаси Дзингоро!

Свита переглянулась, но говорить никто не посмел. Стараясь угадать настроение Хидэясу, Хонда что-то спросил и в ответ услышал:

— Ладно, занимайся банкетом.

Резиденцией Иэясу этот замок служил недавно — лишь с 25 января сего года. Здание еще продолжали достраивать. Поэтому прием в честь корейских послов проводился в усадьбе Хонда. На всякий случай Хонда осведомился:

— Прикажете расследовать истину?

— Не надо. Отговорятся неведением. Старшие чины, возможно, и впрямь ничего не знают. Только спровадь этих послов поскорее и проследи, чтобы не встречались с местным людом.

— Слушаюсь! — ответил Хонда и поспешил удалиться.

Банкет готовился заранее. Послов снова повезли в усадьбу Хонда — переодеться в повседневное платье. Вернувшись к себе из замка, Хонда застал Рё Соккиля как раз после этого действия.

Как бы между прочим — через Со — Хонда осведомился у Рё не был ли кто из участников сегодняшней церемонии знаком с Иэя-

су раньше? Судя по ответу, Рё на сей счет ничего не знал. Кореец выглядел удивленным, было похоже, что он сказал правду.

На приеме с гостями бесед не вели. Когда внесли подносы с угощением, вошли три сёгунских вестовых — Осава Дзидзю, Нагаи Уконносин, Дзё Орибэ. Они вручили трем главным лицам три комплекта воинских доспехов, три самурайских меча и триста кусков серебра. Следующим по рангу персонам — Ким Чомчи и другим презентовали три коротких меча и сто пятьдесят кусков серебра. Двадцать шесть чиновников получили двести кусков серебра, остальным раздали деньги — 500 кан.

До заката гостей по указу Хонда отправили в обратный путь, они проследовали до Фудзиэда. 29 мая прибыли в Мурасакино, что в Киото, 8 июня отправились в Осака, где 11-го июня погрузились на судно. Тысяча триста сорок мужчин и женщин, полоненных во время корейских походов, правительство Эдо распорядилось освободить и отправить на родину вместе с послами.

Когда замок Хамамацу достроили, Иэясу, в ту пору принявший титул князя Микава, окончательно переехал туда. Сына же своего Нобуясу¹² поселил в замке Окадзаки, где прежде жил сам. Нобуясу с этого времени принял имя Окадзаки Дзиросабуро.

Хозяину Окадзаки было лет восемнадцать, когда он приблизил к себе вассала двумя годами моложе по имени Сахаси Дзингоро. Сообразительность Сахаси была такова, что он исполнял распоряжения прежде, чем господин успевал их произнести. В воинском искусстве среди товарищей ему не было равных в воинском искусстве. Славился и художественными талантами, особенно игрою на флейте.

Однажды Нобуясу возвращался из храма со всей свитой, шли вдоль ограждения замка. Стояла ранняя весна, вода еще была стылой. По ту сторону широкого рва люди заметили цаплю: серебряная полоса воды и за нею — шепотка белой ваты на черной земле. Кто-то из компании проговорил:

— Интересно, можно ли достать эту птицу ружьем?

Большинство пришло к заключению, что нет, что цель слишком далека. Дзингоро молчал, но потом как бы сам для себя заметил:

— А пожалуй что и можно.

Отозвался оруженосец по имени Хатия:

— Покажи в таком случае свое мастерство.

— Попытаюсь, какой назначишь мне приз?

Хатия предложил:

— Отдам любую вещь, которая есть у меня при себе.

— Договорились, — согласился Дзингоро и пошел к Нобуясу за разрешением. Тот заинтересовался, велел подать свое ружье и вручил его Дзингоро.

— То ли попаду, то ли нет; промажу, так не смейтесь, — сказал Дзингоро и не медля спустил курок. Товарищи наблюдали, затаив дыхание. Цапля как будто бы подняла крылья, однако клочок белой ваты так и остался на черной земле. Нобуясу и все остальные пришли в восхищение. приказали слугам взять лодку и подобрать птицу, сами же пошли по домам.

На утро обитателей замка потрясла нежданная весть: умер Хатия, ран на теле нет, Дзингоро же бесследно исчез.

Вчера, когда подстрелили цаплю, кто-то из свиты слышал слова Дзингоро: "Потом поговорим о твоём обещании". При осмотре мертвеца обнаружили оружие, принадлежавшее Дзингоро; но двух его собственных, инкрустированных мечей не было.

Как объяснить эту замену? Один из парней вспомнил похвальбу Хатия: мечи мол достались мне от предков, я ими очень дорожу. Другой сказал, что Дзингоро не раз восторгался этим оружием.

О местонахождении Дзингоро долгое время ничего не знали. Прошел год после гибели Хатия. И вот однажды в замок Хамамацу явился двоюродный брат Дзингоро по имени Сахаси Гэндаю. Он сообщил, что Дзингоро скрывается неподалеку в провинции и хочет знать, может ли он рассчитывать на пощаду. Напоминал, что в случае удачного выстрела Хатия обещал отдать любую вещь, какая есть у него при себе. Поскольку Дзингоро давно нравилось его оружие, он его и потребовал, взамен же давал свое. Хатия не соглашался под тем предлогом, что мечи — достояние их рода. Дзингоро же ему заметил: Если воин дает слово, он исполняет его даже ценою своей жизни. Родовые мол твои мечи или нет, ничего другого мне не надо, и ты мне их отдашь.

— Ни в коем случае. Я скорее пожертвую собой, чем сокроуищем своих предков, — упорствовал Хатия. Дзингоро выругался:

— Ты собака, а не самурай, раз отрекаешься от своих слов!

Рассвирепевший Хатия схватился за меч, Дзингоро его ударил, и он отдал концы. В довершение рассказа двоюродный брат заметил, что Дзингоро взял оружие по праву, да к тому же еще взамен оставил свое.

Гэндаю обращал внимание Иэясу на то, что Дзингоро еще совсем молодой и потому все же надеется на помилование. Если же это невозможно, то не погибать же ему от чужих рук, разрешите совершить харакири¹³.

Иэясу выслушал его и немного поразмыслив, сказал:

— Послушать тебя, так Дзингоро кругом прав. Между тем, это не так. Согласен с тобой лишь в одном: он действительно еще желторотый, ради этого я сохраню ему жизнь, пусть только окажет мне услугу.

Гэндаю выслушал вердикт, склонив голову до самых циновок. Потом поднял на Иэясу глаза, полные слез, и спросил:

— Что падо сделать?

— Говорят, он парень сообразительный и искусный в воинском деле. Так пусть же сразит Амари, — заключил Иэясу.

* * *

В области Ханбара уезда Тотоми над замком Кояма¹⁴, где князь Такэда Кацуёри¹⁵ из Каи поселил своего вассала Амари Сиросабуро, стояла полная луна. Шел праздник любования ночным светилом. Амари, высокий и статный мужчина осушал одну чашу сакэ за другой. Придумывал для молодежи разные забавы. Захмелевшая компания глосила: "Гора Кояма сломит силу реки Микава¹⁶, останется один лишь звук".

Было уже поздно, Амари отпустил гостей, при себе же оставил лишь того юношу, что появился в замке недавно.

— Ну и горлопаны! А месяц сияет все краше, сыграй-ка мне еще на флейте! — попросил Амари, усаживая молодого человека возле себя. Тот заиграл; его часто просили об этом, поэтому инструмент он всегда носил с собой.

Наступила глубокая ночь. Фитиль горящей свечи сверху побелел, у основания же был алый, воск сосульками обтекал свечку. Ее тусклое пламя затмевалось луною, голубое сиянье которой озаряло все помещение. Где-то поблизости стрекотал сверчок, его песенка сливалась с мелодией флейты. Амари клонило ко сну.

Внезапно музыка оборвалась.

— Вам не холодно? — осведомился молодой человек, коснувшись груди Амари — слева, где на голубом кимоно красовался фамильный герб. Задремавший Амари подумал, что юноша заботливо поправляет ему воротник. И в то же мгновенье там, где только что была теплая рука, в его грудь вонзилось что-то холодное, как лед. И тут же неведомое тепло поднялось от сердца к горлу, Амари потерял сознание.

Так Дзингоро легко расправился с Амари, не покорявшегося силам Микава. В доказательство отрезал его самурайскую прическу и неслышно, словно ласка, выскользнул из замка Кояма.

В усадьбу Хамамацу вновь явился Гэндаю. Иэясу, как и обещал, призвал Дзингоро к себе, но при встрече с ним про Амари не обмолвился ни словом.

Возвращение Дзингоро, конечно, не могло придтись по вкусу семье Хатия, но противиться воле господина она не смела.

Войско замка Кояма не покорилось Иэясу и после гибели Амари. События, между тем, шли своим чередом. Скончался Такэда Сингэн, а следом за ним — Уэсуги Кэнсин¹⁷. Иэясу в тридцать шесть лет принял командование Правой императорской гвардией, его род вошел в самую силу.

В ту пору, когда его старшему сыну Нобуясу исполнился 21 год, его второй сын Огимару¹⁸ (будущий Хидэясу) был всего пятилетний. Ода Нобунага заподозрил участие Нобуясу в т. н. Инциденте Цукияма¹⁹, вследствие чего молодого человека безжалостно принудили совершить харакири. В тот же год у Иэясу родился третий сын — Осамару (Хидэтада), который в дальнейшем стал сёгуном. На следующий год родился его младший брат Фукумацумару (Тадаёси)²⁰. Через два года замок Кояма, долго бывший бельмом на глазу Иэясу, наконец-то сдался. Это событие явилось прелюдией к концу рода Такэда.

Примерно с 10 г. Тэнсё (1582), когда был истреблен клан Такэда, дальнейшая судьба дома Токугава висела на волоске. Неожиданную роль сыграл Акэти Мицухидэ, убивший Нобунагу. Хидэёси тогда замирился с родом Мори на Кюсю, что позволило ему направить своих солдат на отмщение. Иэясу, находившийся вдалеке от своей опорной базы, уцелел и вернулся в Окадзаки лишь с помощью денег Тая Сиродзиро²² и войска Хонда Хэйхатино. Со своим отрядом он дошел до Наруми, когда прибыл вестовой от Хидэёси и сообщил о разгроме Мицухидэ.

Пока Иэясу убеждал бывших вассалов Такэда присоединиться к нему, в Каи поднял мятеж Ходзё Синкуро Удзинао из Одавара²³ и пошел в наступление. Иэясу проследовал до Кофу, его восемь тысяч воинов выступили против 50-тысячной армии Ходзё. Сахаси Дзингоро тогда вместе с другим молодым самураем Мидзуно Тодзюро Кацунари²⁴ храбро сражался в Вакамико, получил ранение. В конце года большую группу самураев наградили за доблесть, Дзингоро попал в их число, но какой-либо особой благодарности ни Дзингоро, ни Тодзюро не удостоились.

В 11 г. Тэнсё (1583) весь дом Хамамацу был поглощен приготовлениями к свадьбе Токухимэ — второй дочери Иэясу, вышедшей замуж неподалеку — в Одавара. Решено было известить об этом событии Хидэёси, который к тому времени обосновался в Осака.

Дзингоро служил тогда в свите [сёгуна] и, находясь в соседнем помещении, слышал, как Иэясу принимал Исикаву Ёситиро Кадзумаса, поручал ему оповестить Осака о готовящемся торжестве.

— Возьми с собой несколько бойких молодцов, — говорил Иэясу.

— Может быть, на такое дело Сахаси... — заикнулся было Исикава. Иэясу молчал, Дзингоро подумал даже, не случилось ли чего, когда, наконец, услышал:

— Не хочу спускать с него глаз. Недавно перешедшие ко мне люди Косю рассказывали, что Амари баловал его как собственного сына. А этот негодяй убил его во сне!

Невольно застонал Дзингоро, вскочил и бросился вон из замка. Не зашел даже в дом, где квартировал вместе с Гэндаю; пропал бесследно. Окружающие спрашивали Гэндаю, но тот мог только сказать, что Дзингоро постоянно носил в своем поясе сотню *рё*²⁵ мелкими монетами.

Итак, в 11 г. Тэнсё (1583) Дзингоро исчез из Хамамацу. В самом ли деле это он прибыл теперь в 12 г. Кэйтё²⁶ из Кореи под именем Кё Чомчи? Или, возможно, Хидэясу обознался?

Уверенно не ответил бы на это никто. Родственники Сахаси отговаривались полным незнанием. Позже, правда, соседи заметили, что в их хозяйстве завелся отличный женьшень, выращавший в виде кукол. Люди гадали: и откуда только он взялся?

Материал этого рассказа почерпнут из "Дзокубугэ Канва"²⁷. Согласно генеалогическим записям рода Сахаси, Дзингоро примкнул к группе Икко²⁸ и погиб в сражении 6 г. Эйроку (1563). По данным "Кацуси ява"²⁹ в составе корейского посольства 12 г. Кэйтё (1607) находился бывший вассал дома Токугава, которого идентифицировали как Какэхи Матадзо³⁰. У Хаяси Сюнсай в сочинении "Кансирай хэйки"³¹ упоминаются два чиновника, удостоенные аудиенции Иэясу; они названы коротко: Ким и Пак. Если кто-нибудь располагает дополнительными сведениями о Сахаси Дзингоро, я был бы весьма благодарен за информацию с указанием ее источников.

Написано в марте 2 г. Тайсё (1913 г.)

Комментарий

1. Хотайко — одно из прозвищ знаменитого военачальника Тоётоми Хидэёси (1536—1598). Наряду с Ода Нобунага и Токугава Иэясу являлся руководителем движения за создание единой Японии — на месте раздробленных феодальных княжеств. Объединил под своей властью почти всю территорию страны. Построил в Осака грандиозный замок-крепость, сохранившийся поныне.

2. Хидэёси предпринимал военные экспедиции против Кореи дважды — в 1592 и 1597 гг. Умер, не добившись покорения полуострова.

3. Сопусима-но кампё Ёситоси (1568—1615).

4. Иэясу (1542—1616) — первый *сёгун* (верховный военный правитель) династии Токугава. Господство феодального дома Токугава длилось с 1603 до 1867 г. — до т. н. революции Мэйдзи.

5. Мурасакино — северный район гор. Киото.

6. Токугава Хидэтада (1579—1623) — третий сын Иэясу, занявший после него пост *сёгуна* (1610).

7. Замок Сумпу был расположен на территории нынешнего города Сидзуока.

8. Буддийский храм, находящийся в гор. Симидзу преф. Сидзуока (ныне носит другое название).

9. Час Лошади — время от 11 ч. утра до часу дня.

10. Хоеда Масадзуми (1565—1637) — один из ближайших вассалов Иэясу.

11. Кин — мера веса, равная 600 г.

Мори Огай. Сахаси Дзингоро (Пер. и комм. Г. Д. Ивановой)

---

12. Нобуясу (1559—1579) — сын Иэясу и старший брат Хидэтада. В 1567 г. женился на дочери Ода Нобунага (1534—1582), но чем-то разгневал своего могущественного тестя и был принужден совершить харакпри.

13. Смерть от собственной руки считалась для воина достойнее, нежели казнь. Для совершения харакпри согласно этикету требовалась санкция князя, в противном случае само убийство считалось недозволенным, "собачьим".

14. Находится в нынешнем городке Ёсида преф. Сидзуока.

15. Такэда Кацуёри (1546—1582) сражался на стороне Иэясу, но в результате нескольких поражений совершил харакпри. После этого его род впал в немилость.

16. Микава — намек на род Токугава, который будет побежден войнами замка Кояма. (Игра слов: *Кава* значит "река", *яма* — "гора").

17. Уэсуги Кэнсин (1530—1578) и Такэда Сингэн (1521—1573) — известные военачальники периода, предшествовавшего объединению Японии под началом Токугава Иэясу.

18. Огимару (1574—1607).

19. Ложный донос гласил, что Нобуясу и его родная мать по имени Цукияма вступили с князем Такэда Кацуёри в заговор против Иэясу.

20. Фукумацумару (1580—1607).

21. Акэти Мицухидэ (1528—1582) — вассал Ода Нобунага. Этот известный полководец периода "Брани царств" восстал против своего сюзерена. Убийство Нобунаги грозило помешать начавшемуся объединению страны. Тогда Хидэёси отомстил Мицухидэ и завершил начатое дело.

22. Тяя Сиродзиро (1542—1596) — один из ближайших вассалов Иэясу, настоящая фамилия — Накасима.

23. Ходзё Удзинао (1562—1591) — глава клана Одавара. В связи со смертью Ода Нобунага потерпел политическую неудачу. Достиг компромисса с Иэясу, женившись на его дочери Токухимэ.

24. Мидзуно Кацунари (1563—1651) — сын Мидзуно Тадасигэ (1541—1600). Сопровождал Хидэёси в нескольких военных кампаниях.

25. Рё — старинная золотая монета крупного достоинства.

26. То есть 24 года спустя.

27. Средневековый источник, выходные данные неизвестны.

28. Буддийская секта Икко (в составе Дзёдо-синсю) участвовала в вооруженном мятеже. Ее центр располагался в Осака.

29. Сборник исторических очерков 1821 г.

30. Какэхи Матадо (1526—1560).

31. "Кансирай хэйки" — документ об обмене дипломатами между Японией и Кореей. Автор — Хаяси Сюнсэй (1618—1680) — конфуцианский ученый, третий сын Хаяси Радзап, а (1538—1657, конфуцианец, советник Токугава Иэясу).

Мори Огай

Хань-шань и Ши-дэ

Шли годы Чжэнь-гуань династии Тан, по европейскому календарю это соотносится с началом VII века, в Японии же летоисчисление тогда только начиналось. Жил-был в те времена правительственный чиновник по имени Лю Цю-инь. Некоторые считают, что такого человека в действительности не существовало. Подобная точка зрения основана на том, что он не упоминается ни в "Старой", ни в "Новой истории династии Тан". Хотя по преданию, он являлся Хранителем регистрационных записей провинции Тай-чжоу и, следовательно, по табели о рангах был равен губернатору или Великому администратору.

Китай тогда был разделен на округа, далее шли провинции, или губернаторства, которые включали в себя волости и селения. Во главе округа стоял Великий администратор, во главе провинции — губернатор. В Японии административное деление иное: сразу за префектурой следует такая единица, как уезд; что, по мнению Ёсида Того¹, не очень удобно.

Если Лю был Хранителем регистрационных записей, то по японским понятиям он приравнялся к губернатору. В этом случае его имя должно было попасть в историю династии Тан. Но с другой стороны, если согласиться с тем, что никакого Лю на самом деле не было, то откуда взялось о нем предание? Итак, условимся считать его реальным лицом.

С тех пор, как Лю назначили на должность в провинции Тай, прошло три дня. Совсем недавно он вдыхал пыль и пил мутную воду в северной столице Чаньянь. Ныне же вступил на благодатную землю центрального Китая, где наслаждался прозрачностью вод и прекрасным расположением духа. Все три дня к нему шли засвидетельствовать почтение подчиненные служащие, каждый докладывал о состоянии вверенного ему дела. Лю чувствовал себя в этой суতোлке прекрасно, власть начальника провинции ублажала ему душу.

Накануне Лю сказал слуге, что завтра спозаранку отправится в монастырь Гоцинсы на горе Тяньтай. Еще находясь в Чаньяни он решил по прибытии в провинцию Тай нанести туда визит.

Для посещения монастыря существовала особая причина. Состояла она в том, что, получив чин Хранителя регистрационных записей и собираясь отбывать из столицы к месту службы, он вдруг начал страдать головной болью. Вероятно, это был обычный ревматизм, но

как человек нервного склада он не получал облегчения от лекарств, которые назначал его лекарь.

Как раз в тот момент, когда он обсуждал эту проблему с женой, вошла молоденькая служанка и доложила:

— К воротам подошел нищенствующий монах, говорит, что хочет видеть хозяина. Какое будет распоряжение?

— Хм, монах...

Лю подумал и приказал вести его сюда. Супруге повелел удалиться в свои покои.

Несколько лет назад, готовясь к официальным экзаменам, Лю читал конфуцианских классиков и тренировался в сложении пяти-сложных стихов. Буддийских же текстов или сочинений Лао-цзы ему изучать не доводилось. Тем не менее он почему-то питал особое уважение к даосам и к буддийским монахам. Возможно, просто безотчетно верил в то, чего сам не постиг. Словом, монаха решено было принять.

Тот вошел — высокая фигура в рваной и грязной одежде. Длинные, свисающие космы, подрезанные над бровями, почти закрывали глаза. В руках металлическая чаша для подаяния.

Монах молчал, первым заговорил Лю.

— Мне доложили, что вы хотите меня видеть. В чем состоит ваше дело?

Монах ответил:

— Я слышал о вашем скором отъезде в провинцию Тай. Знаю также, что вы страдаете головной болью и пришел вас излечить.

— Все так. Недомогание побуждает меня даже отложить отъезд. Как вы намерены мне помочь? Знаете какое-нибудь средство?

— Нет. Человеческое тело, состоящее из четырех элементов, мучают духи. Мне нужна только чашка чистой воды, и я вылечу вас с помощью заклинания.

— О, вы умеете ворожить? — задумался Лю. — Что ж, готов довериться.

Не имея ни малейшего представления об искусстве врачевания, Лю не знал, что при этом следует и чего не следует делать. Полагался в каждом конкретном случае на собственный здравый смысл. При таком характере он не умел выбрать себе толкового врача, не искал ученого, сведущего в "Су вэнь" или "Лин шу"², а без особых затей обращался к тому, кто оказывался под рукой. Его постоянный лекарь не имел особых познаний в классической медицине. Монах же внушал доверие. Ведь у нас, в Токио высокопоставленные чиновники тоже склонны доверять китайским народным средствам или гипнозу.

Монах пристально смотрел в наполненную чашу, потом набрал воды в рот и приснул ему в лицо. Лю вздрогнул от неожиданности. По спине потек холодный пот.

— Ну, как голова? — спросил монах.

— Не болит. — А ведь раньше он постоянно об этом думал и не чаял избавиться от страдания. Монах же отвлек его внимание, и все как рукой сняло.

Тихо слив воду, монах сказал: "Ну, я пошел" — и повернулся к двери.

— Подождите минутку, — остановил его Лю.

— Чем еще могу помочь?

— Хотелось бы вас отблагодарить.

— Не надо. Я дал обет помощи страждущим и усмирения своей гордыни. Вознаграждения не беру.

— В таком случае не смею настаивать, разрешите лишь полюбопытствовать, откуда вы?

— Где я был раньше? В монастыре Гоцинсы на [горе] Тяньтай.

— Ах, вот оно что! А как ваше имя?

— Меня зовут Фэн-гань.

— Значит, вы Фэн-гань из монастыря Гоцинсы на горе Тяньтай? — Лю сдвинул брови, стараясь запомнить. — А я как раз собираюсь в провинцию Тай, так что буду совсем близко. Разрешите поэтому спросить еще. Не назовете ли какого-нибудь мудреца, которого мне стоило бы посетить в Тай?

— В монастыре Гоцинсы есть пекто, называемый Ши-дэ, на самом же деле он — Фу-гэн³. Кроме того, к западу от монастыря находится каменная пещера, прозванная Холодная скала, в ней обитает некий Хань-шань, в действительности же он — Мандзю⁴. На этом позвольте откланяться, — и монах моментально исчез.

Это событие побудило Лю к посещению монастыря Гоцинсы на горе Тяньтай.

По отношению к Пути и к религии людей на свете можно разделить на три категории. Одни полностью поглощены своим делом, все время прилежно заняты и о Пути не особенно размышляют. Такие люди бывают и среди книжников, хотя конечно, если книги читать с умом, то мысли о Пути должны посещать. Но глубоко не задумываются, довольствуются выполнением ежедневных задач.

Другие, наоборот, все внимание сосредоточивают на поисках Пути. Ради этой заботы они готовы пренебречь ежедневными мелочами. Такой образ мыслей в равной степени могут проявлять и конфуцианцы, а даосы, и буддисты, и христиане. Когда есть истинная вера, любое повседневное дело превращается в поиск Пути.

Между людьми индифферентными и теми, кто постоянно ищет Путь, существует еще как бы промежуточный тип. В этом случае человек не проявляет ни безразличия, ни особой истовости. Он как бы смирился с тем, что не имеет личного отношения к Пути, хотя и отдает должное тем, кто к нему стремится. Уважение к Пути испытывают

все, но проявляется это по-разному. Отставшие не могут не отдавать должного тем, кто продвинулся вперед. Застрявшие на полдороге не могут не уважать того, чего они сами не поняли, не достигли.

* * *

Лю переменял платье и, водрузившись в паланкин, отбыл из своей резиденции в Тай-чжоу. Его свита составляла десять человек.

Стояло начало зимы, землю покрывал легкий туман. Следуя вдоль левого берега реки Шифэньци — рукава Цзяоцзян, двинулись на север. Когда небо немного прояснилось, бледные лучи солнца высветили по берегам алые деревья кленов. Навстречу попадались люди, молодые и старые — все расступались перед носилками, провожали их поклонами. Лю находился в радужном расположении духа. Приятно было сознавать себя большим начальником, который едет советоваться с мудрецами. Это весьма достойное предприятие наполняло его глубоким самоуважением.

Расстояние от Тай-чжоу до горы Тяньтай составляло около шестидесяти с половиной *ли*, т. е. около шести с половиной японских *ри*⁵. Паланкин продвигался еле-еле. Было уже за полдень, когда появился чиновник, посланный местной управой. Отдыхали и обедали в волостном казенном доме, за трапезой было сообщено, что до монастыря Гоцинсы еще осталось шестьдесят *ли* по горной дороге. Засветло добраться до места назначения невозможно. По этой причине заночевали в волостном центре.

Утром снова двинулись в путь. Погода почти не изменилась. Говорят, что гора Тяньтай насчитывает 18 тыс. *дзэ* высоты. Сомнительно, что кто-нибудь ее мерил, но вид у нее действительно, грандиозный, и тигры водятся. Двигались медленнее вчерашнего, обедать пришлось в дороге. Тройные ворота монастыря Гоцинсы показались уже тогда, когда солнце начало клониться к Западу. Монастырский комплекс построен императором Ян-ди династии Суй — по случаю кончины великого мудреца Чжи Чжэ.

Монастырь не мог принять Хранителя регистрационных записей без надлежащих церемоний. С приветственной речью вышел монах Дао-цяо, проводил Лю в парадные покои. Сидя за накрытым столом, Лю спросил:

— Был ли в вашей обители монах по имени Фэн-гань?

— Фэн-гань? Да, до недавнего времени он жил в келье за этим павильоном, но потом ушел в странствие и не вернулся.

— А что он здесь делал?

— Толок рис для монастырской кухни.

— Словом, ничем не отличался от остальных?

— Поначалу он прилежно работал, мы считали его добрым членом нашего братства, относились с уважением. Но потом неизвестно куда исчез.

— Что-нибудь случилось?

— Да, был удивительный случай. Однажды он спустился с гор верхом на тигре. Восседая на спине зверя, дефилировал по галерее и распевал стихи. Поэзию он любил, иногда по ночам декламировал в своей келье.

— Да он — живой архат! Где же его келья?

— В настоящее время его хижина пустует. Ночами там бродят тигры, порою доносится их рычанье.

— Окажите любезность, позвольте мне взглянуть! — Лю поднялся со своего места.

Идя впереди и раздвигая паутину, Дао-цяо проводил его к келье Фэн-ганя. Солнце уже зашло, в полумраке просматривалось совершенно пустое помещение. Дао-цяо наклонился и показал на каменной дорожке тигриные следы. С гор налетали порывы ветра, в саду шелестели опавшие листья. Тишина разрывалась завыванием, от которого у Лю волосы вставали дыбом, а тело покрывалось гусиной кожей. Он поспешил ретироваться. Спросил семенившего за ним Дао-цяо:

— А Ши-дэ тоже пребывает в вашей обители?

Дао-цяо удивился:

— Вы знаете и его? Давеча на кухне он грелся у огня с монахом по имени Хань-шань. Если он вам нужен, можно позвать.

— Ах, и Хань-шань там? Мне воистину повезло! Проводите меня на кухню, будьте так добры.

— К вашим услугам! — сказал Дао-цяо и направился вдоль главного здания в западную сторону. Лю следовал за ним.

— И давно живет в вашей обители Ши-дэ?

— Довольно давно, с тех пор, как Фэн-гань нашел его ребенком в сосновом бору.

— И что же он делает в монастыре?

— Года через три после того, как его подобрали, он стал зажигать в трапезной благовонные курения перед статуями, зажигал ночные светильники, расставлял дарственные пожертвования. Однажды люди заметили, что ставя перед Буддой дарованную пищу, он сам ее ест. Казалось, что священная фигура Преподобного Архата его не смущает. В настоящее время он занят на братской кухне мытьем посуды.

Через несколько шагов Лю снова спросил:

— Вы упомянули также Хань-шаня, а чем занимается он?

— Хань-шань? Живет к западу от нашего монастыря в пещере, именуемой Холодная скала. Приходит на кухню за остатками риса и овощей, которые Ши-дэ скидывает при мытье посуды в бамбуковую чашку.

— Понятно, — сказал Лю, но про себя подумал: "Если Хань-шань и Ши-дэ — это Мандзюстри и Самантабхадра, то кто же на самом деле Фэн-гань, который способен оседлать тигра?" Он почувствовал себя темной деревенщиной, впервые попавшей в театр и полностью обескураженной актерами и их ролями.

Пропуская Лю на кухню, Дао-цяо извинился:

— У нас тут грязновато.

В наполненной парами кухне трудно было что-нибудь различить. Просматривались три больших закопченных котла, под каждым пылала дрова. Лишь постепенно он разглядел монахов, которые брали из котлов рис, овощи, суп и ставили блюда на длинный стол вдоль каменной стены.

Оглядевшись, Дао-цяо позвал Ши-дэ. Лю проследил за его взглядом и только тогда заметил у дальнего котла двух монахов, сидящих на корточках перед огнем. У одного бросались в глаза длинные волосы и соломенные сандалии, у другого — шапка из древесной коры и деревянные башмаки.

В отличие от внушительной фигуры Фэн-ганя, эта пара выглядела тщедушными замухрышками. На зов Дао-цяо волосатый обернулся, но ничего не ответил, наверное, это и был Ши-дэ. А тот, что в шапке, по-видимому, Хань-шань, даже не пошевелился.

С этими предположениями Лю и пошел к ним. Соединил рукава, отвесил глубокий поклон. Представился официально, всеми титулами:

— Я — Лю Цю-инь, обладатель пятого имперского ранга, губернатор, хранитель регистрационных записей Тайчоу, носитель мантии Алого шелка...

Взглянув на него, Хань-шань и Ши-дэ переглянулись и прыснули от смеха. Затем вскочили и выбежали из кухни. Хань-шань на ходу воскликнул:

— Фэн-гань наболтал!

Лю смотрел им вслед, а вокруг ходили взад и вперед монахи, разнося чашки с рисом, овощами, супом. Дао-цяо стоял в молчании с бледным лицом.

Комментарий

1. Ёсида Того (1864—1918) — историк из университета Васэда, составитель географического словаря.

2. "Су вэнь", "Лин шу" — старинные медицинские книги древнего Китая.

3. Фу-гэн (санскрит. Самантабхадра) — спутник Будды, изображается от него справа; иногда на белом слоне, иногда на лотосе. Покровитель медитации и науки.

4. Спутник Будды (санскрит. Мандзюстри), изображается восседающим на льве или же на лотосе, олицетворяет мудрость Будды.

5. Ри — мера расстояния, равная 4 км.

6. Биндзуру Сонья — (санскрит. Пиндола-бхарадвайя).

7. Буддизм входил в Японию в середине VI в. н. э., его внедрению способствовало формирование централизованного государства, буддизм оформлял отношения между го-

---

Японская литература нового времени

сударем и подданными. Фактически в японских условиях он дублировал сложившиеся ранее установления религии Сянто. Особенности синтоистских божеств переносились на будд и бодхисаттв. (Синтоизм продолжал господствовать внутри кровнородственных объединений, регулировал отношения между человеком и природой).

8. "Хань-шань и Ши-дэ" — (1915) — рассказ, написанный Мори Огай для собственных детей. У них дома висела картина, изображавшая двух смеющихся мальчиков. Дети интересовались, кто на ней изображен и почему их называют помощниками Будды. Огай повествует о том, как в древнем Китае важный правительственный чиновник посетил в монастыре Гоцинсы двух живых богов. Юмор рассказа построен на контрасте между надутой чиншностью чиновника и небрежным поведением монахов-богов.

Перевод и комментарий Г. Д. Ивановой